

ЛЮБЛИНСКИЙ Виктор Викторович – д.полит.н., главный научный сотрудник, руководитель сектора сравнительного анализа социальной политики Института социологии РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; sp@isras.ru; lyubl.victor@yandex.ru)

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СТРАНАХ ЗАПАДА ТЕРЯЕТ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ ДЛЯ РОССИИ?

Аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы социальной политики в странах Запада. Автор отмечает, что современное государство в этих странах стремится снять с себя значительную часть прямых функций, связанных с благосостоянием граждан. Следствием этого стали экспансия рыночных отношений в социальную сферу, ухудшение условий занятости, рост неравенства и бедности, усиление «распределительного» конфликта. Такая ситуация формирует атмосферу кризиса доверия к институтам власти, актуализируя вопросы, связанные с политическими решениями в области социального развития, которые способны противодействовать росту конфликтности, «скреплять» общество, обеспечивать его динамическое равновесие.

Ключевые слова: социальная политика, благосостояние, социальные расходы, бюджетный дефицит, занятость, безработица, неравенство, бедность, конфликтность, доверие

Рост благосостояния в развитых странах Запада способствовал укреплению сплоченности общества, однако его устойчивость со временем, особенно с начала нулевых годов, оказалась под вопросом в связи с растущим дисбалансом. Основными факторами нарушения равновесия явились снижение темпов экономического роста, обострение международной конкуренции, растущий бюджетный дефицит и, как следствие, рост государственного долга. Учитывая, что на социальные расходы приходится значительная доля консолидированных бюджетов многих стран, можно сказать, что именно с этим связан рост государственных заимствований.

В последние годы правительства некоторых стран вынуждены сместить акценты в социально-экономической политике в пользу обслуживания долга и обеспечения финансового равновесия, в то время как социальные проблемы (занятость и социальная поддержка) фактически отошли на второй план. Политические решения, нацеленные на сокращение социальных расходов, принимались, несмотря на рост безработицы и бедности. В результате в странах ОЭСР за период 2008–2013 гг. безработица возросла на 44 млн чел., и примерно половина безработных не получали никаких пособий¹. Происходило обострение социальной ситуации, часть среднего класса оказалась фактически перед лицом нисходящей мобильности и угрозы бедности.

Сформировалась ситуация, когда сокращение социальных расходов, равно как инфраструктурных инвестиций и заработной платы в государственном секторе, способствовали дальнейшему снижению совокупного спроса. В свою очередь, это негативно отражается на спросе на труд, ведет к росту безработицы, уменьшению финансовых возможностей государства, оказывая дополнительное давление на социальный бюджет. Таким образом, политика финансовой консолидации, навязываемая международными финансовыми институтами под контролем США и ТНК, фактически проводится за счет значительной части населения, осложняя социально-экономические проблемы.

В некоторых странах, особенно с большими бюджетными дефицитами (Греция, Португалия, Ирландия), власти пошли на сокращение социальных расходов. Примерно в половине из 30 стран – членов ОЭСР в период с 2009 по 2015 г. рас-

¹ Social protection global policy trends 2010–2015. Geneva: ILO, 2014. P. 13.

ходы были снижены более чем на 5% ВВП при одновременном росте налогов на домохозяйства.

Только в странах с низким уровнем дохода отмечался рост доли социальных расходов, однако он был недостаточен по сравнению с ростом безработицы и бедности. Несмотря на значительное сжатие в 2011 г., во многих развивающихся странах расширялись программы социального обеспечения. Во многих из них усилилась социальная поддержка наименее обеспеченных групп населения. Однако это можно рассматривать как достижение только относительно предшествующих этапов их развития. Они не могут рассчитывать на экономическое благополучие, по-прежнему игнорируя вопросы социального развития. До уровня социальной политики и благосостояния на Западе, при всех его проблемах с начала нулевых годов, этим странам, конечно, еще весьма далеко. Кроме того, перед ними также остро стоят вопросы, связанные с бюджетными трудностями и внешней задолженностью.

Отвлекая значительные средства на обслуживание внешних долгов, политика, приводящая к структурной долговой зависимости и обрекающая многие страны на долговременные трудности, формирует мощный потенциал внутренней и внешней конфликтности, снижая потенциал общественно-политического согласия с серьезными социально-политическими последствиями.

Среди социальных проблем, которые оказывают влияние на уровень консолидации общества, первостепенное значение имеет проблема занятости и безработицы. В этом направлении была предпринята реформа государства благосостояния и переформатирована социальная политика. Суть реформы состояла в следующем. В основе неформального социального контракта в странах Запада длительное время находилось государство благосостояния универсального типа, которое через широкую социальную поддержку обеспечивало преодоление социальных диспропорций и выравнивание базовых условий жизни, в т.ч. в сфере доступности образования и медицинских услуг, пенсионного обеспечения.

Новая политика исходит из парадоксальной формулы: активное государство, нацеленное на рост благосостояния и повышение качества социальных услуг при одновременном сокращении социальных расходов. При этом социально-политическая ответственность государства ограничивается контролем за социальным развитием и координацией деятельности субъектов социальных отношений через «регулирование саморегулирования», механизмы приватизации и децентрализации [Schmid 2008: 257]. Тем самым современное государство в странах Запада стремится снять с себя значительную часть прямых функций, связанных с благосостоянием граждан. Данная политика проводится под флагом эффективности, которая предполагает акцент на маркетизацию социально-политических отношений, допуская прямое вмешательство государства в экстренных случаях, когда социальные проблемы не поддаются решению.

С начала нулевых годов государство оказалось перед серьезным осложнением проблем на рынке труда, особенно в странах ЕС, что ограничивало эффективность социальной политики в рамках концепции *workfare state*. Впервые активная политика на рынке труда, которая положена в основу данного подхода, получила распространение в Скандинавских странах, особенно в Швеции, которая в послевоенный период включила ее в структуру государства благосостояния. Но сам термин *workfare state* впервые появился в 1969 г. в США, хотя только в 1980-х гг. отдельные штаты получили право принимать и осуществлять соответствующие активные социальные программы. В европейских странах он стал использоваться значительно позднее [Activation or Workfare... 2014: 330].

Как новое направление деятельности государства в социальной сфере концепция активной политики в рамках ОЭСР была разработана в 1990 г. Проблема тру-

доустройства, индивидуальной ответственности гражданина и восстановления нарушенного, как утверждалось, баланса прав и обязанностей и восстановления стимулов к работе была поставлена в центр социальной политики. Основное внимание акцентировалось на профессиональной подготовке с последующим трудоустройством в качестве условия социальной поддержки.

О том, насколько эффективной оказалась эта политика в долгосрочном плане, можно судить по ситуации, которая сложилась в сфере занятости в последние годы. Уровень безработицы в глобальном масштабе составил в 2016 г. 5,8% с трендом к снижению (в 2017 г. ожидается 5,7%), что вызвано стабилизацией и улучшением ситуации в развитых странах (в развивающихся странах он составит 5,5–5,6% в 2015–2017 гг.). В ЕС (в составе 28 стран) в 2017 г. безработица ожидается в размере 9,1%, что ниже на 1 процентный пункт по сравнению с 2014 г., а в США – менее 5% в 2016 г. и 4,7% – в 2017 г.¹

При этом уровень неустойчивой и уязвимой занятости в мире достиг 46% при значительной дифференциации, обусловленной уровнем экономического развития. В странах Запада она составила в 2015–2016 гг. 10,4%; в странах с развивающейся рыночной экономикой – 52–53%, в слаборазвитых странах – 76,5%. В региональном плане наименьший уровень отмечен в Северной Америке – 6,4–6,5%, что почти вдвое ниже, чем в странах ЕС (11,4–11,5%). Следствие этого – сокращение доли занятых полный рабочий день (в странах Европы в 2007 г. она составляла более 80%) и рост неполной занятости – до 22% в 2015 г. Важно отметить, что существенная часть такой занятости носит недобровольный, вынужденный характер. В 2014 г. в Греции она охватывала 71,2% работников, занятых неполный рабочий день, в Италии и Испании – более 64%, в Португалии – более 50%².

Однако формально ситуация в сфере занятости в ЕС в последние годы улучшалась, что связано с возобновлением экономического роста. В странах Северной, Южной и Западной Европы он составил в 2015 г. 1,5% по сравнению с 1,3% и 0,2% соответственно в 2014 и 2013 гг. В результате в 2015 г. уровень безработицы в европейском регионе снизился до 10,1% (в 2014 г. – 10,7%). Судя по прогнозам, это устойчивый среднесрочный тренд. При этом рынок труда в ряде стран находится в весьма напряженном, несбалансированном состоянии. Это особенно касается Греции и Испании, где уровень безработицы превышает 20%. Проблема усугубляется тем, что 50% безработных в Европейском регионе (по состоянию на первую половину 2015 г.) находились уже в условиях длительной безработицы (не имели работы 1 год и более), которая в отдельных странах продолжает расти³.

Рост длительной безработицы представляет особую опасность для социальной стабильности, ибо со временем шансы на получение работы снижаются. Работники в период длительного простоя постепенно теряют профессиональные навыки, происходит обесценивание человеческого капитала, а безработица становится серьезным фактором роста бедности. И ситуацию не может спасти нестандартная занятость (временная и неполная), на которую приходится большая часть новых рабочих мест, т.к. по качеству они не соответствуют интересам квалифицированного труда и среднего класса. В результате сохраняется и расширяется основа для роста прекариата, когда уже многочисленные группы представителей наемного труда практически лишаются каких-либо перспектив на постоянную и хорошо оплачиваемую работу.

Для того чтобы принципиально изменить ситуацию, ЕС разработал стратегию, нацеленную на достижение «полной и продуктивной» занятости и «достойной работы» к 2030 г. В качестве первоочередных направлений она предусматривает

1 World employment and social outlook: Trends 2016. Geneva: ILO, 2016. P. 15.

2 Ibid. P. 17, 55.

3 Ibid. P. 52.

расширение доступности образования и профессиональной подготовки и обеспечение роста инвестиций в производственный сектор. Намечено переломить тренд роста неравенства и относительной бедности за счет более справедливого распределения доходов, развития социального диалога и коллективных договоров на всех уровнях. Ее главная цель – восстановить связь между заработной платой и производительностью труда¹. Однако пока эта стратегия остается по большей части декларативной, не находя должного воплощения в реальной политике: страны ЕС почти не продвинулись на данном направлении.

Таблица 1

Динамика рынка труда в странах Европы*, %

Показатель	Зоны	2000–2007	2008–2013	2014	2015	2016	2017
Экономическая активность рабочей силы	I	55,8	56,8	56,6	56,5	56,4	56,2
	II	56,9	57,8	57,7	57,7	57,6	57,5
Уровень безработицы	I	8,6	10,0	11,6	10,9	10,7	10,4
	II	8,2	9,7	10,7	10,1	9,9	9,7
Экономический рост	I	1,3	–0,5	0,3	0,6	0,2	0,2
	II	1,1	–0,3	0,7	0,7	0,3	0,2
Рост производительности труда	I	1,0	0,3	0,4	0,9	1,4	1,5
	II	1,3	0,1	0,4	0,9	1,4	1,6

* Примечание: I – страны зоны евро; II – страны Северной, Южной и Западной Европы. *Источник:* World employment and social outlook: Trends 2016. Geneva: ILO. 2016. P. 53.

Новым феноменом (в количественном и качественном отношении) стала расширяющаяся практика временной занятости и использования срочных трудовых контрактов (СТК), которая стала источником роста прекариата и нестабильности в обществе. Наиболее высокие уровни временной занятости отмечены в Польше (28,6%), Испании (23,9%), Португалии (21,7%), Нидерландах (21,5%). В Финляндии, Франции, Словении и Швеции – свыше 15%. С учетом этого суммарно неполная занятость в странах ОЭСР затрагивает каждого пятого работника. В Норвегии она составляет 51,7%, в Швейцарии – 36,8%, более 25% – в Австрии, Бельгии, Дании, ФРГ, Норвегии, Швеции, Великобритании. Характерно, что в Греции, Италии и Испании неполная занятость в основном носит недобровольный характер (60% всех работников, занятых неполный рабочий день)².

Нынешняя модель занятости является одной из основных причин роста неравенства, ибо временная работа оплачивается ниже, а риск бедности для граждан, вынужденных соглашаться на неполную занятость, значительно выше (на 20–40%)³. По сравнению с постоянными работниками заработная плата временных работников ниже на 30–60% в развивающихся и до 34% в развитых странах. Кроме того, временные работники имеют ограниченную социальную поддержку, низкие возможности профессиональной подготовки и карьерных перспектив [Aleksynska, Muller 2015: 5].

Различные формы неполной и временной занятости во многих случаях носят вынужденный, недобровольный характер, т.к. у значительной части активного

¹ Ibid. P. 55.

² OECD Employment Outlook 2015. P.: OECD Publishing, 2015. P. 29–30. URL: http://dx.doi.org/10.1787/empl_outlook-2015-en

³ World employment and social outlook: Trends 2016. Geneva: ILO, 2016. P. 55.

населения фактически отсутствует выбор. И граждане вынуждены обращаться к тем возможностям, которые предлагает рынок труда, на котором в условиях массовой безработицы работодатели занимают доминирующие позиции и диктуют условия. Кроме того, так называемая активная политика в рамках *workfare state* не учитывает интересы тех социальных групп, которые оказываются не в состоянии «вернуться к работе», — их поддержка сокращается.

На современном этапе характерной особенностью социально-политического развития стран Запада стало усиление «распределительного» конфликта. Причем порождается он не столько традиционной конкуренцией, сколько деятельностью самого государства, в частности бюджетной политикой и влиянием различных экономических и политических групп на политические решения.

В процессе реформирования государства благосостояния в странах Запада в свое время был поставлен вопрос о новом балансе прав и обязанностей, новой модели его взаимоотношений с гражданами, претендующими на социальную поддержку. Государство, согласно этой концепции, нуждается не в пассивном, как в *welfare state*, а в активном гражданине и работнике, способном на самостоятельные решения и действия и осознающем свою ответственность перед собой и обществом. В этих целях оно предоставляет необходимую инфраструктуру и услуги, что позволяет нейтрализовать факторы, действующие в сторону расширения неравенства возможностей [Dingeldey 2005: 4].

На деле такая политика в долговременном плане имела негативные последствия, ибо по мере расширения пространства рыночного регулирования и снижения роли государства происходило увеличение уровня неравенства и концентрации богатства. С начала нулевых годов социальная несправедливость в распределении усиливалась, и ситуация в обществе, естественно, становилась потенциально более конфликтной.

Оборотной стороной долговременного тренда роста концентрации и степени дифференциации богатства и текущих доходов в странах Запада стал долговременный тренд роста бедности [Люблинский 2015: 95-98].

В качестве одного из основных направлений социальной политики, нацеленной на повышение доходов малообеспеченных групп, стала поддержка доходов граждан. В ЕС уровень бедности за счет этого снижается на 38% (на 10–60% в различных странах). Однако даже после социальных трансфертов риск бедности остается достаточно высоким: каждый шестой гражданин ЕС находится за чертой бедности, а около 7 млн чел. существуют на менее чем 5 евро в день [Eiβel 2014: 41-42].

Повсеместно рост бедности и неравенства в большой степени является отражением долговременного тренда снижения роли государства в социальном развитии. Такая ситуация формирует новую, социально и политически напряженную атмосферу кризиса доверия к институтам власти, не способным обеспечить стабильность доходов и уровень жизни. Кроме того, в современном глобальном мире многие социальные проблемы не могут быть решены на национальном и региональном уровне, ибо их источником является деятельность ТНК и международных институтов, во многом действующих в русле интересов этих предприятий и поддерживающих их политических сил.

В связи с обострением проблем финансирования и нацеленности политики государства на сокращение бюджетных расходов во многих странах под ударом оказалась заработная плата работников государственного сектора. Это традиционная политика «жесткой экономии», которая фактически отвечает интересам наиболее состоятельных социальных групп, имеющих крупные активы в различных отраслях. Не удивительно, что в условиях кризиса значительная финансовая поддержка оказывается со стороны государства финансово-экономическим

структурам. В результате страдают социальный бюджет и зависимые от него категории, равно как и сама экономика, т.к. при подобном политическом подходе она лишается важных стимулов в виде соразмерного потребительского спроса.

В ряде стран, конечно, используются меры, связанные с ростом налоговой нагрузки на состоятельные группы населения через прогрессивные налоги на доходы, наследство, собственность корпораций, включая налоги на финансовый сектор. Но это направление в современных условиях находится скорее на периферии политических решений и политического регулирования. Хотя данный подход все же имеет перспективу, получив поддержку в ООН в форме решительной критики распространенных в мире политических практик «жесткой экономии», угрожающих системам социальной поддержки, и необходимости в связи с этим защиты прав человека, в частности фундаментальных социально-экономических прав¹.

Социологические исследования показывают, что большинство населения поддерживает политику перераспределения, причем эта поддержка выше там, где ниже уровень социальной активности государства. В рамках консервативных моделей социальной политики (континентальная модель) главное направление — это интересы среднего класса, поэтому приоритет отдан горизонтальному перераспределению и статусной поддержке. В либеральной модели (англосаксонские страны) социальная политика главным образом нацелена на малообеспеченные слои, а средний класс меньше зависим от социального государства, более самостоятелен, нацелен на приобретение негосударственных социальных услуг и достаточно высоко интегрирован в пространство рыночных отношений [Converging Worlds... 2011: 19]. Однако именно либеральная модель отличается меньшим уровнем финансирования социальной политики, что предопределяет более низкий уровень социальных выплат для нуждающихся групп населения и в конечном итоге — значительно более высокий уровень социальной дифференциации доходов.

Практика показывает, что при всех различиях и изменениях в оценках социальных проблем и политики государства со стороны граждан, они достаточно консолидированы в отношении любых намерений, связанных с сокращением социальных расходов. Подобные намерения, несомненно, не могут не оказывать влияния на уровень доверия власти со стороны граждан в последние годы.

В период 2007–2014 гг. в среднем уровень доверия правительству в странах ОЭСР снизился на 3,3 процентных пункта — с 45,2% до 41,8%. Наиболее значительное снижение доверия произошло в Словении (30 п.п.), Финляндии (29 п.п.), Испании (27 п.п.), Португалии (22 п.п.). В то же время в ряде стран отмечалась иная тенденция, наибольшее выражение она получила в ФРГ (25 п.п.), Израиле (22 п.п.), Исландии (22 п.п.)². Однако данный показатель в равной мере отражает способность властей проводить эффективную политику в области борьбы с коррупцией и решения социальных проблем.

Что из сказанного выше заслуживает внимания в контексте социальных проблем и политики государства в России?

Анализ социальных проблем в странах Запада показывает, что социальная политика по-прежнему находится в центре регулирования процессов, происходящих в обществе. Тем более что эти проблемы во многих случаях становятся острее, усиливая потенциал конфликтности и ограничивая возможности формирования и реализации сбалансированной по интересам политики. В этих условиях для общества актуализируются вопросы, связанные с такими политическими реше-

¹ Social protection global policy trends 2010–2015. Geneva: ILO, 2014. P. 8-9.

² Government at a Glance 2015. OECD Publishing, 2015. P. 156. URL: http://dx.doi.org/10.1787/gov_glance-2015-en

ниями, касающимися сферы социального развития, которые способны эффективно противодействовать росту конфликтности, «скреплять» общество, обеспечивать его динамическое равновесие. Серьезной угрозой для сложившейся системы благосостояния является рост миграционных потоков из слаборазвитых стран в богатые и благополучные страны ЕС, который приводит к обострению проблемы занятости, усилению внутренней напряженности в обществе и межэтническим конфликтам. От того, насколько политико-экономическая система Запада окажется в состоянии «пережить» этот вызов и противостоять «этническому разнообразию», которое стремится в пространство ЕС, во многом зависит и перспектива социального государства.

Между тем среди различных социально-экономических и политических групп на Западе пока отсутствует должный уровень согласия по вопросам перспективы. С одной стороны, в силу указанных объективных процессов, особенно глобального плана, ситуация требует ограничения роста и даже сокращения социальных расходов, проведения политики, основанной на экономии и повышении эффективности бюджетных расходов. С другой стороны, деятельность политических сил в условиях конкурентной демократии, как правило, построена на жестком «соперничестве обещаний» и направлена на то, чтобы расширить круг возможных сторонников.

Социальная политика в России и в странах Европы имеет некоторые совпадающие моменты. Главный из них — это кризис социальных расходов. Однако характер этого кризиса различен в связи с различием моделей социального неравенства. В России она носит потенциально более конфликтный характер, ибо показатели дифференциации доходов и концентрации богатства существенно выше. Несоразмерность распределения доходов подрывает устойчивость общества, препятствует эффективному развитию, является источником перманентного конфликта. Устойчивая консолидация общества в таких условиях невозможна. Политика, нацеленная на снижение уровня неравенства, в частности через прогрессивное налогообложение доходов и имущества наиболее богатых социальных групп, может стать серьезным источником дополнительного финансирования социальных расходов и производственных инвестиций, в которых нуждается общество.

В этом отношении вопросы социальной политики, доходов, социальных расходов, развития пенсионной системы, занятости и безработицы, создания новых рабочих мест, положения различных категорий населения обладают высоким потенциалом «политической чувствительности» и имеют решающее значение в политическом развитии.

Список литературы

Люблинский В.В. 2015. Политическое измерение социального неравенства и бедности (Сравнительный опыт). — *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 94-106.

Activation or Workfare? Governance and the Neo-Liberal Convergence (ed. by I. Lodemel, A. Moreira). 2014. N.Y.: Oxford University Press. 367 p.

Aleksynska M., Muller A. 2015. Nothing more permanent than temporary? Understanding fixed-term contracts. — *Inwork and Governance*. Policy Brief No. 6. Geneva: ILO. 10 p. URL: www.ilo.org/inwork

Converging Worlds of Welfare? British and German Social Policy in the 21st Century (ed. by J. Clasen). 2011. N.Y.: Oxford University Press. 337 p.

Dingeldey I. 2005. Welfare State Transformation between 'Workfare' and an 'Enabling' State. A Comparative Analysis. — *TranState Working Papers*. No. 21. Bremen. 40 p. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/28271/1/49782261X.PDF>

Eißel D. 2014. Inequality and the Role of Redistributive Policy. — *Welfare State at Risk. Rising Inequality in Europe* (ed. by D. Eißel, E. Rokicka, J. Leaman). Cham, Heidelberg, New York, Dordrecht, London: Springer. P. 35-50.

Schmid G. 2008. *Full Employment in Europe: Managing Labour Market Transitions and Risks*. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar. 385 p.

LYUBLINSKIY Victor Victorovich, *Dr.Sci.(Pol.Sci.)*, Chief Researcher, Head of the Division of Comparative Analysis of Social Policy, Institute of Sociology, RAS (24/35, bld. 5 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; sp@isras.ru; lyubl.victor@yandex.ru)

DOES SOCIAL POLICY OF WESTERN COUNTRIES LOSE ITS ATTRACTIVENESS FOR RUSSIA?

Abstract. The article analyzes the problems of social policy in Western countries. The modern state there seeks to abandon a significant part of its direct welfare functions. As a result, there is an expansion of market relations in social sphere, worsening of employment conditions, the rise of inequality and poverty, and a permanent distributional conflict. This trend may generate the crisis of confidence, actualizing the issues associated with political decisions concerning social development, which are able to counteract the aggravation of socio-political conflict, to bind the society and ensure its dynamic equilibrium.

Keywords: social policy, welfare, social spending, budget deficit, employment, unemployment, inequality, poverty, conflict, trust

МИХАЛЬЧЕНКОВА Наталья Алексеевна — к.э.н., доцент; и.о. ректора Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (167001, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский пр-кт 55; mehedova@yandex.ru)

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТРАДИЦИИ В ИНДИЙСКОМ ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация. Политические элиты постколониальной независимой Индии сделали ставку на интеграцию различных частей нового государства, чему должна была способствовать и реформа системы образования, в т.ч. высшего, ее модернизация на основе современных западных социальных идей и этических норм. Однако и сегодня, спустя почти 70 лет после обретения независимости, в Индии продолжают существовать различные виды дискриминации, связанные с кастами, классами, гендером, религией, регионом и языком. При этом они находят свое отражение не только в высшем образовании, но и в системе образования в целом. Отсюда необходимость постоянной оценки и корректировки государственной политики и правительственных программ, с тем чтобы декларируемые принципы свободы, равенства и братства были реализованы на практике в одной из самых больших и диверсифицированных систем высшего образования в мире, прошедшей длинный путь от традиции к современности.

Ключевые слова: Индия, система высшего образования, университеты, государственная политика, глобализация, реформы, традиции

Для сегодняшней Индии характерна одна из самых больших и разнообразных систем высшего образования в мире, которая прошла длинный путь от традиции к современности. С момента обретения Индией независимости число вузов постоянно увеличивалось — с 20 университетов и 496 колледжей в 1947 г. до 754 университетов и институтов университетского уровня и 32 969 колледжей в